

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

The illustration depicts two characters in a fantastical setting. In the foreground, a man with dark skin and short hair, wearing a dark, loose-fitting tunic and trousers, stands in a dynamic pose. He holds a sword in his right hand and a dagger in his left. Behind him, another man with dark skin and long hair, wearing a brown tunic, holds a long, curved blade. They are standing on a pile of dry grass and twigs. In the background, there are tall, thin, translucent pillars and a large, multi-legged insect-like creature flying in the air. The overall color palette is warm, with shades of yellow, orange, and brown.

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
АЛЬФА-НОЛЬ

Альфа-ноль

Артем Каменистый

Альфа-ноль

«АЛЬФА-КНИГА»

2020

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Каменистый А.

Альфа-ноль / А. Каменистый — «АЛЬФА-КНИГА»,
2020 — (Альфа-ноль)

ISBN 978-5-9922-3096-3

Я тот, кто не должен существовать. Такие, как я, рождаются мертвыми или в лучшем случае умирают в младенчестве. Никто из детей пустоты никогда не дотягивал до года. Я же дотянул до тринадцати. Долгие тринадцать лет жалкого существования, при котором все, что мог, это с трудом передвигаться. Да и то не все время. За каждую минуту моей жизни клану приходилось платить немалые деньги. А их здесь, на краю цивилизованных земель, ох как непросто зарабатывать. Возможно, я бы смог жить так и дальше. Калекой, сильным мыслью, но не телом. Но однажды ночью в усадьбу заявили незваные гости, и все изменилось. Вот тогда мне и пришлось научиться выживать по-настоящему.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3096-3

© Каменистый А., 2020
© АЛЬФА-КНИГА, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Артем Каменистый

Альфа-ноль

Глава 1

Тепло материнских рук

Ступени просвещения: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Тшими – труп. Тшими ходит, дышит и разговаривает, но при этом его уже нет. Тшими из той разновидности мертвецов, которые даже не догадываются, что все кончено. Скажи я ему сейчас, что его вычеркнули из списка живых, и бедолага подумает, что или он ослышался, или я спятил. Покойник уверен, что все идет как всегда. Всего-то и надо – потратить полчаса на скучную церемонию приветствия госпожи и наследника, после которой можно отправиться домой. Там его ждут веселая толстушка Надира и двое детей, ради которых он готов пойти на что угодно.

Даже на кражу у клана.

Дети – источник радости и тревог. Но про этот мир можно сказать точно, что тревог от них куда больше, чем в месте, где я родился и прожил первую жизнь. Здесь добавляется кое-что особенное, давящее на всех родителей без исключения: и на простолюдинов и на аристократов.

Я хронический затворник и потому нечасто сталкиваюсь с вассальными шудрами, но Тшими – одно из исключений. В иерархии слуг клана он занимает привилегированное положение, потому что контролирует львиную долю оборота одного из важнейших наших ресурсов. Того самого продукта, без которого аристократ еду едой не считает. Его роль настолько важна, что он отчитывается лично перед госпожой, и это случается нередко. А так как я почти всегда нахожусь при ней, у меня была возможность неплохо изучить этого крестьянина.

В сравнении с прочими он неплох. Возможно – лучший. На нем многое держится, и Тшими достойно справляется со своей ношей. Он один из краеугольных камней в фундаменте карликового царства моей чокнутой мамы.

И сегодня наш и без того хлипкий фундамент потеряет часть прочности.

Потому что Тшими – труп.

То, что жить ему осталось недолго, я узнал почти три месяца назад. У человека в моем положении не так много возможностей хоть как-то развлечься, вот и приходится цепляться за каждую. И когда мать в очередной раз садилась рядом и начинала проверять учетные книги, мне приходилось вникать в записи. Нет, игнорировать слова и цифры, конечно, несложно, благо понимания от меня не требовалось. Но ведь чем в таком случае занимать пылливый мозг? Бездумно таращиться на стену?

Нет уж. С меня этого достаточно. Последние полторы недели только этим и занимался, моля высшие силы помочь Камаю вернуться быстрее.

Я знал, что, вернувшись на этот раз, он убьет Тшими. Но Тшими так или иначе не жилец, а мне очень не нравится проводить день за днем на положении безвольного овоща.

Камай приносит то, что делает из меня овоща, способного кое-как передвигаться. Вам доводилось видеть, как ходит баклажан? Я тоже не видел, пока превратности новой жизни не превратили меня в убожество.

Место, в котором устроилась моя мамаша, называется словом, к которому в моем родном языке можно подобрать несколько синонимов. Я предпочитаю думать о нем как об усадьбе, потому как на рыцарский замок наше хозяйство совершенно не тянет, хотя формально является последним оплотом одного из самых древних кланов Арсы. Даже императорская семья проигрывает по некоторым пунктам знатности.

Однако знатность не подразумевает могущество. Увы, но хорошие времена остались в прошлом. Как, собственно, и сам клан. Осталось полтора обломка: я и Трейя Айтвир – глава Кроу и биологическая мать никчемного тела, в котором поселился мой разум.

Да уж, мне пришлось самостоятельно обучиться актерскому мастерству, чтобы без душевного содрогания называть ее матерью. Даже кое-что сломал в своей психике. Иначе никак, я ведь должен вести себя с ней так, чтобы она ничего не заподозрила.

То есть как сын, а не человек, им притворяющийся.

Усадьба – это господский дом в один этаж, без излишеств. Позади него скрываются несколько хозяйственных построек, в которых ютится прислуга. Чуть дальше, в крохотной церемониальной роще, стоит скромное ритуальное сооружение, которому в моем мире я аналогов не припомню. Называется «дсай», и слово это можно перевести как «много боли и отваги». Это своеобразный гибрид казармы и храма, где положено молиться высшей силе, ответственной за воинскую доблесть или, говоря проще, – за убийства. И не просто молиться, а развивать ее в себе.

Вот в этом круглом и низком сарае между жизненно важными для меня поездками обитает Камай. Считается, что он проводит там все ночи. Но даже слепому Десу известно, что это случается только в те нечастые периоды, когда он не греет постели вдов шудр. Это одновременно его привилегия и долг.

Если женщина потеряла мужа, это не отменяет ее обязанность рожать новых шудр для Кроу. Но банальный разврат в здешнем обществе не одобряется. Как и все прочее, он завязан на сложную систему традиций и правил, вписать в которую можно только Камаю. Никого другого на роль «быка-производителя» у Кроу не осталось.

Сегодня подданные клана не просто так подтянулись к усадьбе. У нас торжественный день. День очередного поднятия на ноги выроodka Трейи. То есть меня.

Традиция такая.

Я непроизвольно перебирал в ладони амулет, привезенный Тшими. Именно благодаря этой вещице на ближайшие пять с половиной недель я не полный овощ.

Как же приятно снова ощущать руки и ноги.

И даже двигать ими.

Я сижу на плетеном кресле по правую руку от Трейи. По такому случаю прислуга вытащила на открытую террасу ее деревянный трон. Пожалуй, самая роскошная вещь в усадьбе.

Холодно уставившись поверх голов людей, пришедших выказать почтение клану Кроу и его главе, мать слово за словом выносила приговор.

– Тшими взял то, что принадлежит Кроу. Тшими сделал это не один раз и не два. Тшими сделал это четыре раза. Это прекрасно видно по книге учета специй.

Эх, Тшими-Тшими, как же тебя угораздило оставить столько улик. Я-то тебя не обвиняю, потому что понимаю, зачем ты сглупил. Всею виной – дети. Тебе хотелось, чтобы из них выросли настоящие люди, а здесь это стоит денег. Аборигены – не звери, их младенцы не способны развивать параметры ПОРЯДКА самостоятельно, заполняя свои духовные центры и окружая их наборами атрибутов. Если ты не аристократ со связями и состоянием, тебе придется изрядно постараться, чтобы годам к десяти – двенадцати твои отпрыски добрались до полноценной третьей или даже четвертой ступени. Ну а дальше станет чуточку попроще.

Вот Тшими и старался. Законных доходов не хватало, но не совсем глупый человек, занимающийся специями, найдет возможность и хозяйку не обделить, и себя не забыть. Скорее

всего, начинал он со стадий выращивания и сбора, где учет был завязан строго на нем. И, пока делал это аккуратно, никто ни о чем не догадывался. Но затем начал наглеть. А все потому, что в наших краях нарисовались эти прохиндеи, называющие себя кланом торговцев. Эдакая белая кость от барыг. Их представители многим затуманили головы, обещая помощь в открытии любого атрибута. Хотя все пять тебе нарисуют, главное – плати.

Тшими очень любил своих детей. Он начал тянуть с поля столько, что это начало сказываться на цифрах учета.

Вот потому Тшими труп.

– Укравший у клана становится врагом клана, – продолжала вещать мамаша. – Это объявление войны. Клан Кроу принимает вызов. Камай, как идзумо главы клана, будет сражаться с Тшими до смерти. Тшими может выбрать себе любое оружие из дсай моего дома. Гуюм, Дактори и Магума, помогите Тшими сделать выбор.

Огласив приговор, Трейя повернулась ко мне, ласково погладила по голове и спросила:

– Мой мальчик проголодался?

При мысли о еде я едва сдержал рвотный позыв, но не подал виду. Отрицательно помотав головой, сказал:

– Я устал. Можно мне полежать?

– Сынок, потерпи немного. Сейчас будет интересно. Сейчас Камай накажет плохого человека.

– Тшими не плохой, – осмелился я возразить.

Случается это редко и главным образом по причине абсолютной бесполезности моих возражений. Трейя относится ко мне, мягко говоря, ненормально. Для нее я единственный и любимый сын, вызывающий тоску и жалость разбитый источник всех надежд, но одновременно всего лишь предмет мебели, к словам которого можно не прислушиваться.

– Тшими очень плохой, – терпеливо повторила мать. – Тшими взял то, что принадлежит клану. Он обокрал тебя, мое сокровище. И Тшими будет наказан.

Да уж. Мало того что меня адски мутит, как это всегда случается после возвращения амулета, так теперь еще придется смотреть на резню. В мире, где нет телевизора и всемирной паутины, это считается прекрасным зрелищем. А вот я по первой своей жизни такое если и наблюдал, то исключительно на экране. И надо сказать, что мне этого вполне хватало, никогда не тянуло столкнуться с насильственной смертью в реальности.

Хорошо бы закрыть глаза и не видеть то, что сейчас случится. Но нельзя, Трейя не позволит. Она замечает абсолютно все и умеет заставлять делать то, что мне не нравится.

Да и очень тяжело не смотреть. Станный выверт психики. Отвратительное зрелище, но взгляд невозможно отвести.

Последний раз здесь убивали в конце зимы. Парочку разбойников Камай притащил лично. Обычные батраки арендаторов с юго-запада. Бедолаги и летом живут впроголодь, а уж в холодное время все становится совсем плохо. Иногда им окончательно срывает крышу, вот и творят разное.

Каплями крови мне тогда забрызгало обе ноги.

Черт! Вот зачем я это вспомнил?!

Сейчас точно стошнит...

Тшими выбрал копье. Весьма разумно. Всегда удивлялся тем простакам, которые хватались за мечи. Это ведь оружие аристократии, простолюдины с ним если и умеют обращаться, то это уже не простолюдины, а кто-то вроде Камая. Но выбиться в такие бойцы очень трудно. Все равно что победить в игре без сохранения на уровне «бог» голым персонажем, которому чертовски трудно набирать единички опыта, а самый слабый противник способен прикончить в один-два удара.

Простолюдины должны рождаться, пахать землю и умирать. Сражаться с оружием в руках – это не для них.

Но случается всякое. Края, в которых обосновались жалкие остатки клана Кроу, неспокойные. Ну а что делать, если мы изгнанники, которым нигде не рады. Вот и пришлось обстраиваться на краю нормальных земель.

Раз это край нормальных территорий, следовательно, дальше должны начинаться ненормальные. Так и есть. И столь опасное соседство нам, разумеется, не в радость. Оттуда всякое приходит, в основном – нехорошее. Плюс скудость здешних земель порождает в населении преступные наклонности. Потому даже самый мирный крестьянин держит под рукой стеганую куртку, укрепленную костяными бляшками, шлем из многослойной кожи и копье.

Так что Тшими с выбором не прогадал. Копьем он пользоваться умеет. Тут даже подростки простолюдинов иной раз вытворяют с этим оружием трюки на уровне самых зрелищных гонконгских боевиков, а уж взрослые способны на такое, что зритель, увидев это в фильме, начнет плевать с криками: «Не верю!»

Но Тшими эти трюки не помогут.

Потому что Тшими труп.

Камай вышел с пустыми руками. Как обычно, ни слова не сказав. Фигура, затянутая во все черное, и вечно закрытый тонкогубый рот. Однажды на моих глазах он забил здесь кулаками одновременно четверых. Не издавая ни звука, выворачивал им конечности, проламывал черепа, нечеловечески крепкими пальцами рвал мясо на лицах и, ухватившись за ключицы, дергал их с таким омерзительным хрустом, что я непроизвольно вздрагивал.

Он за весь бой ни разу не приоткрыл рот.

Иногда я задаю себе вопрос: «Дышит ли это чудовище вообще?»

Даже не знаю, что ответить...

Тшими – не такой уж глупец. Он прекрасно понимает, что жизнь окончена. Они всегда это понимают. Опытный воин двадцать восьмого круга просвещения с бета-рангом – это для нашей нищей и никому не интересной глуши все равно что армия в пятнадцать тысяч императорских гвардейцев. И то и другое звучит неправдоподобно, но одинаково отображает суть.

Что против армии ничего не светит, что против Камая.

Сам поединок продолжался считанные секунды. Тшими без энтузиазма крутанул копье, врезав наконечником по земле с таким расчетом, чтобы вывороченные комья прилетели противнику в лицо. Камай с легкостью избежал столь топорной атаки, резко при этом сократив дистанцию.

Захват, рывок, омерзительный треск, и вот уже специалист по специям валится на вытоптанную землю двора. Голова его неестественно вывернута, а в глазах нет жизни.

Тшими – труп.

Мне показалось или нет? Такое впечатление, что Тшими и Камай, перед тем как все случилось, о чем-то безмолвно поговорили. Чересчур долго стояли друг напротив друга.

Да нет, вряд ли. Тшими – обычный крестьянин, а не воин. Секреты этого сословия для него закрыты.

Но все может быть. Я в этом ненормальном мире давно уже ничему не удивляюсь.

– Тшими честно сражался и заслужил посмертный покой, – кивнула моя мамаша, поднимаясь.

Прекрасно. Значит, тело отдадут семье, а не отвезут на другой берег Красноводки, где его быстро растащат хищники Лихолесья. Хоть какое-то утешение вдове. Пусть похороны на время отвлекут ее от горестных мыслей. А организация похорон – хороший способ направить мозги на решение последующих практических задач.

Ей ведь теперь в одиночку двоих поднимать. Найти здесь нового мужа – почти нереальная задача.

У нас тут край вдов. Конкуренция у слабого пола высочайшая, а жена у Тшими не сказать что первая красавица, да и по крестьянским меркам уже немолода.

Поднявшись, Трейя посмотрела на меня с улыбкой и протянула руку:

– Пойдем в дом, мой мальчик. На улице свежо, а у тебя слишком мало сил.

Это она верно подметила. У меня всего мало.

Я ноль, который после разрядки амулета способен лишь дышать.

Да и то еле-еле.

Неимоверным усилием воли я ухватился за руку матери, тоже поднимаясь.

Нет, сложность не в том, чтобы встать самому. То есть это, конечно, для меня непросто, но в сравнении с самым худшим – пустяк.

Самое худшее – держать мать за руку.

За ту самую руку, которой она вырвала мое сердце.

Глава 2

Семейно-финансовый кризис

Ступени просвещения: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

– Тшими был наш лучший мастер урожая. Его нечем заменить. Он единственный мастер урожая, достигший девятого ранга в навыке низовых специй.

– Это всего лишь омега, – презрительно заявила мать. – Забудь о Тшими. Тшими – никто. Сказано безапелляционно, однако Камай на этом умолкать не стал:

– Но других у нас нет. И взять их негде. Значит, специй больше не будет.

Камай во всех ситуациях предпочитает помалкивать. Он воин, рожденный в сословии воинов, у них болтать не принято. А уж в моем присутствии столько слов иногда и за неделю не высказывал. Я, ковыряясь в тарелке, так удивился этому прорыву красноречия, что едва не выронил двузубую вилку. Чертовски неудобная, узкая до такой степени, что еще пара миллиметров, и можно будет назвать палочкой для еды. Развивает моторику пальцев, как и прочее разнообразие традиционных столовых предметов.

Но с моими непослушными пальцами не моторика, а горе получается.

Жаль, что до матери это не доходит.

Как и многое другое...

Похоже, даже замечание о специях Трею не задело. Она увлеченно уставилась в здешнюю разновидность газеты. Свиток из дрянной рисовой бумаги закрепляют в простейшее устройство, включающее в себя пару деревянных валиков, отстоящих друг от друга на пару ладоней. Медленно вращая нижний, разматывают рулон, закрепленный на верхнем. Таким образом можно постепенно прочитать весь текст, не прикасаясь лишним раз руками к хрупкому материалу.

Камай всегда привозит одно и то же. Ежемесячный вестник с важными имперскими новостями и самыми значимыми событиями из светской жизни. Желание матери засветиться в этих записях столь же очевидно, как мечта лисицы поймать кролика. И выглядит это смешно, ибо скорее я попаду в элитную гвардию, чем о Трейе напишут хотя бы пару строк.

Не дождавшись реакции на свои слова, Камай добавил:

– Если не будет специй, чем мы станем платить за поддержание амулета вашего сына?

А вот это очень серьезно. Такое мать мимо ушей пропустить не может.

И она не пропустила.

– У нас в амбаре достаточно ржи. Продадим часть запасов. И найдем нового мастера урожая. У нас будут специи.

Камай покачал головой:

– Моя госпожа, это семенная рожь. Если ее продать, мы не сможем посеять новый урожай.

– Я же сказала, что надо найти замену Тшими. Он воровал для своих никчемных детей. Новый мастер урожая устрашится это делать, помня о каре, которая постигла его предшественника. У нас появится больше специй, мы сможем купить на них столько семян, сколько потребуется. Пусть это тебя не заботит.

– Но меня заботит именно это. Я обязан заботиться о благополучии клана Кроу. – Камай начал повышать градус пафоса вслед за матерью. – Нам негде взять мастера урожая уровня

Тшими. Лишь он один сумел вырастить хорошие специи на местных бедных почвах. Ему нет замены. Специй больше не будет. Нам придется рассчитывать лишь на рожь. А рожь ценится недорого, и ее у нас тоже мало. У нас всего мало, поэтому крестьяне голодают каждый год. Слишком плохая земля. Тшими воровал не для себя. Дети крестьян болели. Болели от голода. У него одного была возможность дать им еду. И он не выдержал. Он кормил и своих и чужих. Кормил детей.

Я аж заслушался. Да Камай за год столько не говорил. А уж столь длинный монолог – вообще немыслимая фантастика.

Мать наконец оторвалась от чтения. Устала на воина нехорошо и чуть ли не по-змеиному прошипела:

– Ты сказал, что он кормил чужих детей?

– Да, моя госпожа.

– И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Моя госпожа, я сам узнал всего лишь час назад. Я хорошо знаком с Тшими и не мог поверить, что он поступил настолько глупо. Так не бывает, чтобы никто ничего не замечал. Поэтому я предположил, что он делился с другими, чтобы они не болтали. Догадался надавить на тех, которые слабы на язык. Оказывается, у ваших батраков был тайный сход. На нем они решали, как жить дальше. Их дети голодали, и у них не было никаких специй, а это вредит развитию их атрибутов. Дети – это будущее даже для самых последних батраков. Сход принял решение менять на еду те специи, которые получатся утаить. Поэтому Тшими никто не сдал. Если бы не его ошибки при отчетности, он бы мог и дальше воровать.

– Это заговор, – тем же нехорошим голосом констатировала Трейя. – Виновники должны быть наказаны. Немедленно наказаны.

– А вот это уже вторая наша беда после потерянных специй, – сказал Камай. – Моя госпожа, за кражу у клана полагается смерть. Но как быть, если все ваши шудры замешаны? Они все разделили ответственность, все причастны. Нам что, казнить каждого главу семьи? Но тогда мы даже жменю ржи не получим. Женщины и дети не смогут сами обрабатывать все поля и отбиваться от хищников, которые приходят из-за реки. Мы и так живем на грани разорения. Смерть Тшими – это шаг за эту грань, но казнь всех мужчин – это уже не шаг, это прыжок. Мы потеряем последнее, что у нас есть.

Мать, может, и витает в облаках большую часть времени, но иногда на нее находят периоды просветления. Жаль, что они кратковременные.

Вот и сейчас не стала требовать поднимать среди ночи все население единственной подвластной ей деревеньки и, закусив губу, нервно уточнила:

– Ты уверен, что в этом замешаны все мужчины?

Камай кивнул:

– Абсолютно. Я жестоко допросил двоих. Я спрашивал под клятвой крови. Оба они сказали одни слова. Замешаны все, включая управляющего поместьем и обоих ваших стражников. И я тоже заслужил наказание, потому что не узнал это раньше.

– Мы не можем им такое спустить, – задумчиво протянула Трейя. – Кража у клана – это кража у клана. Наказание за это полагается всего одно, исключений быть не может.

– Весь клан Кроу – это вы и ваш сын, – сказал Камай. – Больше никого не осталось, вы последние. Жизнь вашего сына держится на амулете, который приходится постоянно заряжать у мастера артефакторики. Я не представляю, как это делать без специй. Но, может быть, мы как-нибудь выкрутимся. Однако я представить себе не могу, чтобы мы выкрутились из этого без урожая. Да, рожь стоит дешево, но это деньги. Единственные наши деньги. Это слишком плохое место, шудры здесь сами едва концы с концами сводят, а ведь им еще приходится содержать клан. Моя госпожа, вспомните, как было до этого. Мы всегда жили на пределе наших возможностей, и каждый новый год для нас проходил тяжелее предыдущего. Крестьян стано-

вится все меньше и меньше, а урожаи не растут. Моя госпожа, приказав убить мужчин, вы поставите клан под такой удар, от которого он уже не оправится. Помните про жизнь вашего сына. У нас едва хватит средств на еще одну зарядку амулета. Может, на две, если у вас остались личные средства. И на этом все. Что мы станем делать дальше, я не знаю. Простите, моя госпожа, я могу умереть за вас и ваш клан, но не смогу заменить всех ваших шудр.

Трея молча поднялась, проследовала на господскую половину, погремела там крышками обоих своих сундуков, после чего вернулась и поставила на стол три предмета: шелковый мешочек, нефритовую шкатулку и предмет, похожий на маленькую вазу мутного красноватого стекла, запаянную сверху. Если смотреть на него краем глаза, может показаться, что внутри, за почти непрозрачными стенками, тлеют раскаленные угли. И еще я знал, что, какая бы температура ни стояла в доме, прикоснувшись, всегда ощутишь теплоту.

Странностям, коих хватает в моей новой жизни, я стараюсь подбирать земные названия. Это меня развлекает. Но в некоторых случаях делаю исключения. Уж больно глубоко в душу западают новые слова.

А в некоторых не могу ничего придумать.

Этот предмет называется «абунай», и хоть убейте меня второй раз, но я понятия не имею, как подобрать аналогичный термин из земных реалий. Тут все настолько непросто, что и в длинное предложение не уложишься.

Да что там предложение – оно и десяти процентов не раскроет. Понадобится целый рассказ, затрагивающий множество аспектов жизни здешнего общества в целом и каждого отдельного его представителя в частности.

С обществом, если не вдаваться в странные детали, все просто. Махровый феодализм, где аристократия разделена на кланы, каждый из которых пытается подгрести под себя максимум ресурсов и власти. Есть император – далеко не декоративная фигура, со своими особенностями, о которых можно рассказывать долго, к тому же далеко не все мне известны.

Абунай – это святыня клана Кроу. Если верить всем бредням моей мамы, этой корявой вазе столько лет, сколько вселенная не существует. И все эти годы каждый выдающийся представитель этой потомственной феодальной банды единожды в жизни совершал ритуал, название которому я из земных аналогов тоже подобрать не могу.

Итай – своего рода харакири, только не физическое и не настолько радикальное. Это все равно что достать ритуальный самурайский кинжал, взрезать брюхо на пару сантиметров и на этом остановиться. Ну а вылившуюся кровь отдать на станцию переливания.

Чего добру пропадать.

В данном случае станцией переливания является абунай, а жертвуют не кровь, а энергию ци. Разумеется, в здешнем языке такого слова нет, это я сумел подобрать аналог. Не уверен в том, что он оптимальный, но лучше не нашлось.

Здесь ци – не миф в глазах неверующего большинства, здесь это такая же реальность, как для нас электричество. Явление детально изучено и поставлено служить на всеобщее благо. Или даже люди тут ни при чем, а все разъяснили те самые высшие силы, на которые в этом мире принято ссылаться по любому поводу.

И существование которых даже я, в недалеком прошлом закоренелый скептик, отрицать не могу.

Да здесь даже последний забулдыга в меру своих сил пытается идти по пути просветления. Это, разумеется, тоже моя терминология. Местные высказываются иными словами, но по смыслу приблизительно так.

Иного варианта попросту нет. Здесь это все равно что спортивные тренировки и образование в одном флаконе. И в какой-то мере практический опыт, потому что позволяет получать многие профессии без преподавателей и длительной практики. Да, с учителем, конечно,

лучше. Иногда на порядки лучше. Но для низового понимания достаточно и самостоятельных действий. Всего-то и требуется, что иметь соответствующую ступень просвещения.

И еще кое-что, о чем в лаконичном рассказе поведать никак не успеть.

Шкатулка – это та самая тема, с которой быстро не познакомишь. Не сама шкатулка, конечно, а ее содержимое. Там хранятся предметы, без которых здешнее самосовершенство – это машина без колес и двигателя. Да и без корпуса.

Самое простое из принесенного Трейей – это шелковый мешочек. В нем хранится казна клана. Выглядит жалко, и это так и есть, потому как там всего-то несколько мелких серебряных монеток и жменя бронзовых. Увы, но Кроу давно обнищали. И лишь преданность потомственных шудр позволяет нам кое-как барахтаться.

Камай все эти расклады знал получше меня, потому не стал радостно кричать: «Мы богаты! Мы спасены! Закатим пир на все Пограничье с бродячими музыкантами и продажными женщинами!»

Вместо этого воин бесстрастно произнес:

– Этого слишком мало. Денег в казне недостаточно даже на одну зарядку амулета. Специи и символы требуются вам... и вашему сыну. И их тоже слишком мало. Моя госпожа, ваш клан ждут тяжелые времена.

– Как будто сейчас они легкие... – закусывая губу, отстраненно ответила мать.

Заметно, что она глубоко призадумалась над простым вопросом – как вытащить нас из тесного и дурно пахнущего места, в которое она же нас и загнала. Трейя, увы, никогда не была сильна в финансах, и в ее лексиконе не нашлось места для слова «компромисс». Деньги у нее не задерживались, а решения, загоняющие нас все глубже и глубже в смрадную узость безысходности, она принимала молниеносно и никогда о них не жалела.

Или делала вид, что не жалеет.

Итак, денег нет и нет перспектив их достать. А без денег наше относительно сносное существование надолго не затянется.

И особенно это касается меня...

Рефлекторно потрогал амулет, прощупывающийся под рубахой. Висит на месте, и это греет мою душу. Ну а то, что он работает, понятно и без ощупывания.

Иначе я бы не удержался в сидячем положении.

Трейя, как обычно, предложила не самый эффективный план поправить наши материальные дела.

– Можно собрать отряд и отправить в Лихолесье. Если все пройдет хорошо, даже непродолжительный поход принесет прибыль. К тому же поход можно преподнести как мою милость. То есть – замена казни. Как тебе такая идея?

О высшие силы этого гребаного мира! Ну вот как в одной симпатичной голове умещаются быстрый ум, изощренное коварство и полнейшая непрактичность, если не сказать хуже?! Это вы так пошутить решили?! Ну так знайте, ваша шутка совсем не смешная.

Наверное, Камаю стоило великих трудов попытаться ответить невозмутимо, но, надо отдать ему должное, он справился:

– Моя госпожа, ваши подданные еще не оправались от прошлогоднего похода. Тогда они потеряли четверых, причем двое из них были лучшими нашими охотниками. Если, конечно, обычных шудр вообще можно называть охотниками. Простите, моя госпожа, но ваши подданные слишком слабы для таких походов. Они не более чем куча еды, которую хищники севера способны учуять издали. Нас не пустят в безопасные и богатые зоны Лихолесья, там все давно поделено купеческими факториями. Этот поход принесет лишь потери, а не прибыль. И мужчины, отправившись на другой берег, не смогут принять участия в посевных работах. Значит, в этом году урожай окажется еще меньше. А их семьи и так голодают. Моя госпожа, я боюсь, что ваши подданные начнут разбегаться.

– Это невозможно, – надменно бросила мать. – Они потомственные шудры. Их семьи служат Кроу уже не одно поколение. И каждое поколение приносит вассальную клятву на крови. Как ты мог забыть, что она связывает их крепче самых лучших веревок?

– Простите, моя госпожа, но нет, я не могу такое забыть. Их клятва... она не абсолютна. Ваши люди могут пойти против нее при некоторых обстоятельствах. Их дети голодают и не развиваются, а это очень серьезная причина прекратить служение клану Кроу. Если ничего не изменится, они начнут разбегаться в ближайшие месяцы. Если же устроить поход или наказать их иными способами, они разбегутся быстрее. Простите еще раз, но мы не можем удерживать старых подданных и набрать новых. У нас вот-вот...

Камай осекся на середине фразы, чего с ним никогда не случалось. Он ведь не говорит, он гвозди в гроб заколачивает. Тук-тук, тук-тук.

Ну и где здесь паузы устраивать?

Трея взглянула было на воина с удивлением, но тут же ее взор дернулся в сторону, и она хищно уставилась на легкие двери. Даже я на них покосился, дабы проверить, не отрастила ли их створка клыки и когти.

Нет, двери с виду остались такими же миролюбивыми. А вот взгляды матери и Камая изменились. Они явно видели то, чего не вижу я.

И это что-то – явно нехорошее.

Мать, не сводя взгляда с дверей, отрешенно произнесла:

– Камай, у нас гости, которых мы не ждали. Надо одеться. Сама я с этим быстро не справлюсь.

– Да, моя госпожа. Мы их не ждали. Сейчас я вам помогу.

Что? Этот мужлан поможет матери одеваться? Немыслимо. Она что, прислугу вызвать не может?

И что еще за гости на ночь глядя?..

Глава 3

Незванные гости

Ступени просвещения: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Вечер и без того выдался необычным, но чем дальше, тем становился интереснее.

Под процессом одевания мать, оказывается, подразумевала не облачение в одно из своих относительно неветхих платьев. Там и правда без служанки никак, ибо самостоятельно затягивать похожий на жесткий корсет верх – это надо иметь резиновые суставы в руках.

Нет, о платьях речи не шло. Трейя впервые на моей памяти облачилась в доспехи. Даже когда банда разбойников напала на мельницу, которая располагалась в паре сотен шагов от усадьбы, она не стала прибегать к столь серьезным мерам.

Доспех, кстати, интересный. Я в них не разбираюсь, поэтому не могу сыпать терминами. Скажу лишь, что выполнен он из черного материала, напоминающего толстенную кожу. Может, так и есть, но это явно не корову ободрали и не козу. Тут пострадало такое создание, о которых на Земле даже совершенно ненормальные зоозащитники, готовые спасать мифических йети и скрывающихся в болотах Африки последних динозавров, знать не знают.

Защитная амуниция радовала глаз четкостью рельефа и идеальной компоновкой деталей. Больше похоже на костюм киношного супергероя, чем на средневековый доспех. Да и шлем интересный. Почти мотоциклетный с виду, а ведь до автотранспорта здешнему прогрессу еще шагать и шагать.

У Камая похожий, но выглядит грубее, проще и тяжелее. Скорее всего, дешевле, но зато он кажется именно защищающим, а не для красоты напыленным. Ему надевать его не пришлось, потому как все время в нем ходит. И с мечом не расстаётся.

Мать на этом чудить не перестала. Сняла с шеи ключ, болтающийся на шнурке, раскрыла длинный и узкий шкаф – самую роскошную деталь обстановки усадьбы после трона. И вытащила вещь, которую я увидел впервые.

Копье? Или как это называть?

В голове всплыло почти забытое слово из прошлой жизни – «нагината». Японская алебарда так называлась. Здесь что-то наподобие – не слишком длинное древко, заканчивающееся саблевидным наконечником. Может, земной аналог и отличался множеством деталей, но я не настолько хорошо разбираюсь в средневековом оружии, чтобы проанализировать сходство. В любом случае назначение этой штуковины очевидное: рубить, колоть и резать.

Значит, для меня она будет нагинатой.

Приблизившись к столу, мать сложила в простенькую холщовую сумку все, что выложила на него при разговоре с Камаем: абунай, нефритовую шкатулку и шелковый мешочек.

После этого поступила неожиданно. Помогла мне встать, повесила сумку на мое плечо и сказала:

– Камай, вынеси на террасу кресло для моего сына. Мы должны встречать гостей так, как подобает достойным хозяевам.

Да что же там за гости такие, что их полагается встречать лично мне? Я ведь из дома и днем почти не показываюсь, а уж в ночной тьме ни единого случая не припомню.

Ну и японская алебарда в руке матери заставляет думать, что с этими гостями все очень непросто.

Порядочных людей с оружием не встречают.

Я и на Земле не сказать, что был чересчур болтливым, а уж сейчас, когда пара слов выматывает меня так, будто на девятый этаж без лифта взбежал, и подавно разговорчивостью не отличаюсь. Плюс здесь у меня имидж такой. Приходится строить из себя неполноценного не только физически, но и умственно. А при такой маскировке чем меньше рот открываешь, тем лучше.

Ну а в данный момент даже не знал, что тут вообще можно сказать. То, что нахожусь в состоянии крайнего смятения духа, и без слов понятно. Потому ни слова не произнес за все время.

В кресло, которое Камай поставил на дощатый пол террасы со своим неизменно невозмутимым видом, я не сел, а завалился. Мои и без того ватные ноги полностью отнялись, когда я осознал, что за длинные предметы белеют в ночном мраке.

Вон тетушка Гимо. Ее легко узнать по фигуре, которую одни сочтут полностью отсутствующей, а другие тактично назовут чересчур роскошной. Вон Тейко – застенчивая девочка четырнадцати лет, сирота, взятая под опеку Бушей, нашей добродушной кухаркой. Вот сама Буша лежит, а вот ее родная дочь – Тамика. И прочие-прочие.

Вся наша челядь была мертва. Судя по их виду, смерть настигла бедолаг в постелях и в большинстве случаев была бескровной. Лишь у некоторых из носа и рта немного натекло, слегка запачкав ночные сорочки.

Мир, в котором я влачу жалкое существование, богат на странности. Говорят, здесь встречается такое, когда мертвецы передвигаются самостоятельно, да еще и проявляют при этом каннибальские наклонности. Однако сейчас – не тот случай. Кто-то притащил всех этих покойников к террасе, аккуратно разложив перед ней в один ряд. При этом даже постарался расположить по росту: слева дети, а крайний справа – ночной сторож Думонуро, явно не справившийся со своими обязанностями.

Смерть – всегда неприятно. А когда кого-то убивают рядом с тобой, это еще и страшно.

Но, когда гибнут одиннадцать человек, не издав при этом ни крика, это не просто страшно, это здорового человека может перепугать до отнявшихся ног.

А уж меня – подавно.

Причем Камай и мать явно что-то слышали, но это скорее относится к их особым способностям. Возможно, то даже были не звуки, а сами эманации смерти, которые люди, подобные им, способны засекать издали.

Я здесь давно уже ничему не удивляюсь...

Убийцы расположились параллельной шеренгой и, в отличие от наших слуг, были живы. При всех странностях происходящего я не мог принять мысль, что эти двенадцать фигур, затянутые в черное от пяток до макушек, умерли стоя и почему-то не падают. Узкие прорезы масок едва просматривались во мраке, и то ли ужасающая реальность такова, то ли воображение разыгралось, но мне казалось, что там временами поблескивают рубиновые огоньки нечеловеческих глаз.

То, что именно они являются убийцами, я, конечно, заключил без следственных действий и судебного приговора. Но других кандидатов во дворе не наблюдалось, да и, положив руку на сердце, никого лучше этой дюжины во всем нашем крае не найти.

И это не разбойники, которые объявляются у нас время от времени. Хороший воин не станет промышлять преступными делишками в нищих землях. На это решается лишь сущее отребье, а такие цыпленку шею свернуть не смогут, не перебудив при этом всю округу.

А наши люди спали безмятежным сном. Или в момент смерти пребывали в таком состоянии, что принимали ее беззвучно.

Значит, эти черные фигуры опасны. И то, что Камай не напал на них сразу, – лишнее тому подтверждение. Здесь, на террасе, удобнее отбиваться от толпы. Да я бы на его месте даже из дома не стал выходить, ведь там держать оборону еще легче.

Пока я об этом думал, Камай начал глупить, как будто это не он, а сторож Думонуро, пребывающий в состоянии крайней степени радости, являющейся следствием неумеренной дегустации ржаной браги. Заодно с моей матерью сглупил. Оба, держась бок о бок, спокойной уверенной поступью спустились с террасы и направились навстречу шеренге убийц. А те, вместо того чтобы с криками радости окружить подставившуюся парочку, при их приближении начали с пластикой мастеров танца растекаться в разные стороны.

Три секунды, и вот уже фигуры без лиц стоят в два ряда, образовав широкий коридор. С одной его стороны замерли наконец-то Камай и Трейя, с другой стоял непонятно кто. Тоже черная фигура, но голова не прикрыта здешней боевой разновидностью мотоциклетного шлема. Однако светлее это ее не сделало, потому как мужчина далеко не блондин, а прическа у него роскошная, ниспадающая до середины глаз. Плюс имеется фигурно подбритая борода.

Должно быть, в компенсацию за внезапно отнявшиеся ноги у меня обострилось зрение, раз в безлунную ночь сумел разглядеть такие подробности.

– Приветствую вас, госпожа Трейя из клана Кроу, и Камай, последний воин первого круга клана Кроу, – чуть насмешливым, четко поставленным голосом произнес чернобородый.

Не знаю, смогу ли я его опознать, если он побреется, но, стоит ему произнести пару слов, тут же укажу пальцем. Изъясняется будто профессиональный актер романтического жанра. Ставлю палец против целой руки, что это аристократ. Здешняя феодальная верхушка живет по особым законам, предписывающим им держаться пафосно во всех ситуациях. Особенно это касается разговоров. Даже в диалоге с самым близким человеком могут прорываться фразы, достойные финальной речи киношного злодея в низкобюджетном фильме. Это когда негодай, повязав положительного героя по рукам и ногам, вместо того чтобы перерезать глотку, рассказывает ему, какой он неудачник. Ну а тот, внимательно слушая, перепиливает веревки ножом, припрятанным в каком-нибудь героическом местечке.

В этом незнакомце пафоса на троих хватит. Простолюдины так не выражаются, даже когда пытаются подражать знати.

Мать, с непринужденным видом опершись на алебарду, ответила ледяным тоном:

– И я тебя приветствую, мастер Пенс, изгнанник рода Фолл, примкнувший к Безликим теням. Удивлена, что ты лично решил почтить нас своим присутствием.

Несведущий человек из речи Трейи поймет только то, что она знает этого... гм... гостя. А я едва не охнул, уловив в ее речи нехорошие моменты.

Во-первых, она обращается на «ты» к аристократу. Это не считается оскорблением, но и хорошим тоном не назовешь. К тому же этот человек или его подручные перебили наших слуг. И, судя по зареву, которое разгорается в стороне мельницы, этим наши потери не ограничиваются.

То есть мать уничижительно обращается к врагу. И этот враг чертовски силен, раз она прямо-таки выдавила из себя слово «мастер».

Мастер – это серьезно. Камай – не мастер. Он даже на подмастерье не тянет, если брать земную терминологию. Для нищего северного края чертовски хороший боец, но на юге такие, как он, по десятку на каждом углу.

То есть, несмотря на то что пенс на Земле – ничтожно мелкая монетка, перед матерью и Камаем стоит значительная фигура. Я даже думать боюсь, до какой ступени просвещения добрался этот монстр. Уж явно не меньше тридцать пятой, а это звучит страшно. Если он не омега (что вряд ли), Камаю против него ловить совершенно нечего. А уж матери и подавно.

Она не афиширует свою ступень, но я наблюдателен и неглуп, а потому уверен, что не выше двадцать пятой. Как и положено большинству аристократов, она, скорее всего, полная

альфа хотя бы на первых ступенях, когда жила хорошо, и не ниже беты для более высоких, кое-как пройденных под давлением жизненных невзгод. Может, против Камая она что-то и значит, но против мастера – вряд ли.

А мастер этот не в одиночку появился. С ним орава явно немирных людей. Понятия не имею, какие у них ступени, но шестое чувство подсказывает, что столь серьезный тип не станет таскать за собой выпускников детского сада.

И что это значит?

В первую очередь то, что Трейя допрыгалась. Не понимаю суть происходящего, но почти не сомневаюсь, что прямо сейчас ту, кого мне приходится называть матерью, станут убивать. И в предстоящей схватке поставлю на ее противников, потому как они явно сильнее.

Следовательно, прямо сейчас сбудется моя мечта.

Эта сука подойдет.

И я, скорее всего, тоже. Увы, но у здешних аристократов так принято. Если уж начинают кого-то вырезать, паузы делать считается дурным тоном. В случае с Кроу случилось исключение из этого правила, и вряд ли оно повторится.

И одного раза – много.

Страшно ли мне? Даже сам не знаю... Однажды я уже умирал, а последовавшая за этим новая жизнь не сказать, чтобы сильно радовала. Это будет больше похоже на освобождение.

Да, пожалуй, мне не страшно. И я даже этого хочу.

Но только в одном случае.

Я должен умереть после Трейи. Я просто обязан насладиться зрелищем ее гибели.

До последнего мгновения.

Участники представления не стали делать паузу, дожидаясь, когда моя голова все прочитает. Их общение не останавливалось.

– Вы слишком много значите для меня, чтобы оставить наше с вами дело на посторонних, – ответил Пенс на невежливое приветствие моей матушки. – Это ведь всего лишь ночные тени, безликие и безымянные. Нет, последнюю точку в летописи клана Кроу должна поставить моя рука.

– Такая, значит, цена у слова императора, – с презрением произнесла Трейя.

Пенс покачал головой:

– Боюсь, император здесь ни при чем. Хотя я и не исключаю того, что будет рад произошедшему здесь, но это не его желание. Вас, Кроу, слишком многие не любят. Есть за что.

– Леди Трейя удалась в изгнание, дав слово, что никогда больше не станет матерью, – заявил Камай. – В ее смерти нет ни чести, ни смысла.

Даже я удивился. Когда говорят аристократы, такие, как Камай, обязаны ловить каждое слово, рта при этом не разевая. То, что он подал голос, – против всех правил. Это так же дико, как уборщик в штаб-квартире ООН, прорвавшийся на трибуну, чтобы потребовать разбомбить Воронеж.

Пенс снова покачал головой:

– Камай-Камай... Я хорошо тебя помню. Ты подавал надежды. И ты же их похоронил. Не ты первый, кто попался в эти сети. Изгнание, мой друг, подразумевало, что леди будет сидеть в самом глухом углу, где ее никто не увидит и не услышит. То, что она начала писать письма, это уже против правил. А с учетом содержимого ее посланий и того, кому они предназначались, превращает всю затею с изгнанием в фарс. Один раз ей уже была оказана милость. Великая милость. Второго раза не будет. Отойди в сторону, Камай. Ты ведь прекрасно знаешь, что не сможешь мне помешать. А мне не нужна твоя смерть. Я пришел за леди Трейей и ее никчемным вырождением.

А вот этого ему говорить не стоило. Моя мать в целом очень терпеливый человек. Есть всего одна вещь, которая способна вывести ее из равновесия в один миг.

Меня нельзя называть вырождением.

Тяжелая нагината крутанулась в тонкой женской руке столь изящно, будто ничего не весила.

И в тот же миг из второй руки матери вырвался свет. Он был столь ослепительным, что мне пришлось опустить веки.

Как про нее шептали слуги? Если им верить, то своей магией Трея способна заставить закипеть глаза в глазницах. Всегда считал это сказками или как минимум бессовестным преувеличением.

Но сейчас начал сомневаться.

Глава 4

Все ци клана Кроу

Ступени просвещения: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Не знаю, что за магией сверкнула мать, но одно могу сказать точно – это не сработало. Первый ее удар нагинатой я пропустил из-за того, что зажмурился, но нет сомнений, что он тоже прошел впустую.

Когда открыл глаза, увидел, как Пенс непринужденно уворачивается от бешено мелькающего лезвия. Его движения были молниеносны, и при этом он всеми способами показывал, что все эти атаки его забавляют, а не напрягают. Он разве что задницу не чесал в перерывах между отчаянными взмахами и выпадами, которые с потрясающей быстротой устраивала Трейя.

Даже я, ненавидя эту гадину каждой клеткой своего ущербного мозга, невольно залюбовался. Никогда прежде помыслить не мог, что мать этого никчемного тела способна на такие трюки. Это фантастичнее любого азиатского боевика по сложности и скорости и одновременно прекраснее, чем танец профессиональной балерины.

Но Пенс ни на шаг не отступил. Он ухитрялся оставаться между лопастями работающего вентилятора, вовремя приседая, отклоняясь, подпрыгивая. И даже не пытаясь вытащить меч. Судя по ухмылке, происходящее его совершенно не напрягало. Да он того и гляди хохотать начнет.

Камай в стороне не отсиживался. Он прямо сейчас заходил Пенсу за спину, положив ладонь на черную рукоять своего меча. Два года назад этот воин одним взмахом своей кривой железяки перерубил наискосок разбойника, облаченного в стеганую куртку, укрепленную бляшками, выточенными из коровьих копыт. Так себе доспех, но все же какую-то защиту давал.

Клинок рассек и куртку, и тело, и рукоять громадного колуна, которым за день до этого разбойник жестоко прикончил Квайсу – нашего кузнеца, тащившего домой целый мешок болотной руды, которую он добыл самолично. Должно быть, убийца подумал, что там лежит что-то куда более ценное.

Он ошибся, проиграв жизнь. Камай знал цену умелым людям и спустить гибель нашего лучшего кузнеца не мог.

Меч покинул ножны с неуловимой для глаза быстротой. Лезвие размазалось в воздухе на пути к шее Пенса.

И, врезав по этой самой шее, отскочило от нее, будто от бетонной стены.

А Пенс, гибко обернувшись, впервые за все время схватки атаковал сам. Ударил левой рукой. Небрежно ударил, будто пощечину нерадивому слуге отвешивая.

Камай от такой «пощечины» улетел метров на десять. Выглядело это так, будто он оказался на пути бешено мчащегося автомобиля. Покатился, потеряв меч, зарылся лицом в смесь грязи и соломы, коей был покрыт весь двор, да так и остался лежать не шевелясь.

Мертв? Возможно. Я бы на его месте точно помер. Однако с Камаем возможны варианты.

Или невозможны? Я впервые видел работу мастера и понятия не имел, на что тот способен. Судя по удару, по непринужденному виду Пенса и по тому, что его люди даже не шевелились, наблюдая за схваткой, он такими, как Камай, ботинки у порога вытирает.

Продолжая стоять под атаками матери, Пенс ухмыльнулся и, чуть сбавив градус пафоса, ни капли не напряженным голосом поведал ей о ближайших перспективах:

– Леди Трейя, сожалею, но я буду вынужден вас убить. Но вы умрете не сразу. Прежде чем ПОРЯДОК одарит меня за победу, вы увидите смерть вашего выроodka. Господин Рсай особо настаивал на том, чтобы он умер первым на ваших глазах.

Выродок – плохое слово. Взбешенная мать на миг сбилась с ритма смертоносного танца. Это даже для меня, полнейшего профана, очевидно.

А Пенс, как бы вплетая недостающий элемент, пропустил лезвие нагинаты над собой, одновременно шагнув вперед и вскидывая все ту же левую руку.

Мать с криком отлетела на несколько шагов и упала, прокатившись по земле. Попыталась подняться, но рухнула снова, после чего на боку поползла в сторону своей алебарды. Та, совершив в воздухе пару оборотов, вонзилась в землю на полпути к террасе.

Не знаю, что этот мастер сделал, но, похоже, у Трейи серьезные проблемы. Левая половина тела ее не слушалась, рука и нога стали ватными. Даже если она доберется до оружия, не представляю, что сумеет сделать в таком состоянии.

Зато прекрасно понимаю, что сделает Пенс. Он даже связываться с матерью не станет. Просто обойдет ее или даже переступит через искалеченное тело.

А потом поднимется на террасу и прикончит меня.

Как и обещал.

Я уже выяснил, что смерти не боюсь. Отмучиться – не так страшно, как существовать овощем, что грозит в том случае, если меня пощадят.

Но меня приводила в ярость мысль, что мое убийство останется безнаказанным.

Это ведь уже второй раз, когда я это дело спускаю.

Пора как-то исправлять нехорошую тенденцию...

Абунай – святыня Кроу. Поколения за поколениями они сливали в него ци. Возможно, даже так переусердствовали с жертвенностью, что это ослабило семью. Так что это может быть одной из причин угасания династии. В итоге от клана осталась лишь амбициозная стерва и ее ущербный отпрыск. Причем про последнего говорить о чистоте крови не вполне уместно. Ведь в нем скрывается тот, кого мамаша принесла в жертву, тщетно надеясь, что это сделает из ее пустого выроodka полноценного человека.

По легенде, когда-то у Кроу должен родиться уникальный ребенок, который сумеет распорядиться сокрытой в абунае ци таким образом, что это прославит клан на веки вечные и возвеличит выше небесной вершины. А до тех пор полагалось заполнять сосуд при любой возможности. Он сделан из зачарованного драконьего стекла мастером, который унес секрет изготовления в могилу. Так что технология утеряна, но достоверно известно, что, сколько ни вливай вездесущей энергии, ничего страшного не случится.

Главное – относиться к абунае бережно. Не швырять его в пропасть, ибо это может его разбить. И не пытаться сверлить алмазом. Против столь крепкого минерала драконье стекло уязвимо, а любое повреждение стенок способно привести к нарушению целостности и мгновенному высвобождению начинки.

Ци – это, конечно, не взрывчатка, но и не сказать, что опасаться совершенно нечего. В моей руке сейчас зажата авиабомба на сотню килограммов. Как однажды оговорила моя мать, сила, заточенная в абунае, развеет на первородную пыль всякого, в ком не течет кровь Кроу.

Вот сейчас и проверим...

Алмаза у меня нет. Остатки клана Кроу не настолько богаты, чтобы хранить дорогостоящие самоцветы в карманах немощного мальчишки. Зато у меня есть амулет. Черный коготь на шнурке. Он постоянно висит на моей шее, позволяя мне влачить существование в относительно приличном состоянии. Как только его снимают, я тут же превращаюсь в абсолютно беспомощный овощ.

А снимать его приходится регулярно. Камай возит его на юг, в город, где платит деньги зачарователю, который накладывает на амулет нужный мне эффект. Увы, не навсегда. Процедура требует ци, потому стоит недешево, и через некоторое время ее необходимо повторять. Это один из главных источников наших расходов.

Но сейчас значение имеет не магический эффект, а материал амулета. Коготь некогда принадлежал одному из неприятнейших созданий Пустоты. Великому герою из Кроу повезло его прикончить, после чего клан обзавелся мощнейшим артефактом.

Этот коготь не уступает алмазу по твердости. Возможно, даже превосходит. Я всеми фибрами души ощущал, как вибрирует поднесенный к груди абунай, чье стекло со скрежетом поддается напору кривого острия. Если это не воображение шалит, внутри и правда закипает нешуточная сила, почуявшая скорое высвобождение из векового заточения.

Сейчас... сейчас я тебя выпущу.

Пенс не обманул мои ожидания, он таки переступил через мать. А та только и смогла, что протянуть вслед правую руку, тщетно попытавшись ухватить за щиколотку.

– Нет! – пронзительно выкрикнула она вслед убийце, направлявшемуся к ее ненаглядному сыну.

Остановившись, Пенс обернулся, насмешливо спросив:

– Может, хоть сейчас ты скажешь, от кого зачала этого уродца? Ведь личность его папаши – одна из величайших загадок нашего времени. Я слышал официальную версию о тайном временном браке с анонимным аристократом. Доходили до меня и неофициальные слухи. Те самые, про твоё детство и юность взаперти, в каменной башне, где до твоего целомудрия никто не мог добраться, однако это все же случилось. Но, глядя на Гедара, не могу поверить ни в то, ни в другое. Его отец скорее был забудыгой, не гнушавшимся наркотиков, которые разрушают структуры ПОРЯДКА. И уж он точно не был благородным. Только у самого никчемного папаши мог получиться столь нелепый результат. Кроу больше нет, и нет смысла скрывать эту тайну. Кем он был? Конюх? Бродяга уличный? Давай же, Трейя, скажи. Взамен я обещаю убить выродка быстро.

Быстро?! Черт, мужик, не надо торопиться, мне совершенно некуда спешить!

Проклятое стекло, не желающее поддаваться острию когтя! Проклятый абунай! Проклятые Кроу и их непонятные разборки!

Мать, судорожно скребя по земле ослабевшей рукой, прошипела, сверля Пенса испепеляющим взглядом:

– Будь здесь отец моего мальчика, ты бы давно был мертв.

– Ну да, конечно, – насмешливо кивнул Пенс, вновь разворачиваясь ко мне. – Что-то не помню, чтобы мне предрекали смерть от смеха, так что, скорее всего, увидеть того простолюдина, который первым пробрался под твою юбку, мне не доведется. Эй... Ты что там делаешь?..

– Гедар!!! Давай!!! – не своим голосом вскричала мать, уставившись на меня безумным взглядом.

Не знаю как, но она поняла, для чего я держу абунай перед грудью. И даже не стала меня ругать за столь неаккуратное обращение с реликвией. Более того, наоборот, поддержала, призывая сделать это именно сейчас.

Я бы с радостью, но эта проклятая хреновина не сдается. Уже обточил ее по кругу, устроив знатную борозду, а она даже не думает разлетаться.

А времени, между прочим, не осталось. Пенс тоже что-то нехорошее заподозрил, вон как в лице переменялся. Должно быть, в курсе насчет абуная и верит в то, что это не шарлатанство.

За спиной мастера поднялся Камай. Воин, пошатываясь и приволакивая ногу, направился к врагу, на ходу вытаскивая кривой кинжал. Не знаю, что он собрался с его помощью устроить противнику, который голой шеей останавливает клинок меча. Скорее всего – ничего.

Значит, отвлечь Пенса от меня Камай не сможет.

Жить оставалось секунды две.

Говорят, в состоянии крайней степени отчаяния у человека может проявиться несвойственная ему сила. Не знаю, сработал этот эффект или то, что стекло сильно пострадало от предыдущих покушений, но, со всей дури надавив на коготь, я ощутил, как стенка сосуда с хрустом поддается, разом давая слабинку, пропуская руку с зажатым в ней амулетом внутрь.

Краем глаза успел разглядеть Пенса, который взвился в воздух, прыгая не ко мне, а, наоборот, прочь от меня, навстречу Камаю.

А затем мир утонул во вспышке света, который был столь нестерпимо ярким, что вмиг выжег все вокруг.

Включая мое сознание.

Глава 5

Поле боя

Ступени просвещения: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

– Асами пае дакто, – мелодичным голосом произнесла незнакомка.

Изучая ее, я едва не удержался, чтобы не присвистнуть. Высокая женщина немыслимой красоты смотрела на меня с таким выражением, будто это не я здесь разлежусь, а самый грязный в мире бродяга, страдающий от проказы, сифилиса и газовой гангрены. Такого презрительного взгляда никогда до сих пор не видел.

Как и такой красоты.

Неземной красоты.

Ну не может на Земле такое чудо уродиться. Абсолютная естественность, возведенная в квадрат. Ни миллиграмма косметики, ни штриха от скальпеля пластического хирурга. Да что там химия, даже прическа выглядит так, будто над ней не расческа поработала, а буйный ветер, ухитрившийся каждый волосок уложить именно так, как он обязан лежать. И одета не по моде. Какая-то черная хламида, закрывающая все тело, кроме ладоней и головы. Лицо европейское, но в то же время с примесью экзотики, будто среди близких предков затесался азиат.

– Тайс амушаби, аби Трейя, – чуть наклонив голову, заявил второй присутствующий.

А вот этот ни разу не красив. Но мне судить трудно, в мужской красоте я почти ничего не понимаю. Разве что слащавого модного парня отличу от брутального мачо, как бы первый ни пытался выдать себя за последнего.

В чем, к слову, не вижу смысла. С точки зрения женского интереса это та еще лотерея, кто каких предпочитает. Барышни, как правило, сами на такой вопрос однозначно ответить не могут.

Как и полагается непредсказуемым созданиям.

Так вот, Трако Дарс, если оценивать по показателю модной слащавости, значительно уступает даже матерому медведю, поднятому охотниками зимой из берлоги в состоянии крайней степени негодования. Абсолютный хозяин жизни. Аура опасности и непоколебимой уверенности в своих силах, расходящаяся от этого человека, должно быть, разгоняет гопников за четыре квартала. Наверняка такому серьезному типу дают взятки дорожные полицейские в отсталых странах и предлагают деньги за секс продажные женщины в развитых. Иначе не объяснить, почему он при таком же скромном одеянии, как у Трейи, выглядит столь богато.

Да он похож на мечту всех официантов. То есть на парня, оставляющего килограмм золота на чай.

В общем, предельно крутой мачо, почему-то забравшийся в неприятные руины. Возится с какой-то жаровней, будто решил устроить барбекю в этом мрачнейшем месте. Только вместо мяса разогревает длинный кривой нож со сверкающей красными самоцветами рукоятью.

Древние замшелые стены, в которых не хватает вывалившихся блоков, зато не счесть трещин. Россыпи костей и черепов в многочисленных нишах. Громадный плоский камень, на котором надежно зафиксировано мое тело. Писклявый плач младенца где-то за головой, куда не дотягивается взгляд.

Это в какие края меня занесло? Это что, сон такой? Может, и так, ведь последнее, что я помню, как откинулся на сиденье автобуса и начал подремывать. Это было куда лучше, чем

смотреть в окно. Водитель жал на газ так, будто не людей за деньги перевозит, а спасается от погони, увязавшейся за ним из того самого дурдома, в котором он должен был отсидеть еще лет сорок.

Что это за подвал? Что за люди? На каком языке они говорят? И почему я знаю, как их зовут?

Как-то это не похоже на сон. Ведь в тех случаях, когда я осознавал, что сплю, пробуждение происходило без промедления.

Стоп! Я ведь и вправду знаю их имена!

Да я и слова, оказывается, понимаю. Просто только сейчас это до меня дошло.

И до меня заодно дошло еще кое-что.

Важное и страшное.

Я понял, что никакое это не барбекю.

Я точно знал, для чего предназначен нож с драгоценной рукоятью.

Все вспомнив, я наконец понял, что да, это действительно сон.

И просыпаться надо прямо сейчас.

Вырвавшись из намечающегося кошмара, я понял, что угодил в другой, доселе не испытанный. Зато до сих пор жив. Ну не может мертвое тело так сильно страдать. А если речь идет о воспарившей душе, ее страдания должны иметь исключительно духовную, а не физическую природу.

Приоткрыв глаза, я сумел согнуть руку, спасая ладонь от нестерпимого жара, от которого кожа, по-моему, уже начала пахнуть жареным. Очень уж характерный запах забивает ноздри.

Сознание работало плохо, но все же отметило странную насыщенность тревожного аромата. Потягивает не добротным приготовленным блюдом, а пригорающим, которое даже если спасешь, не рассчитывай на вкуснейший ужин.

Не может слегка обожженная ладонь так вонять. До нее ведь еще огонь не добрался.

Сам огонь я разглядел во вторую очередь. Сознание разгонялось чересчур медленно, потому окружающее я воспринимал фрагмент за фрагментом, а не всю картинку сразу и целиком.

Полыхал пол террасы. Доски для него приготавливали оригинальным способом. Я даже не знаю, можно ли это называть досками. Скорее – колодами. Но не уверен, подходит ли такое название. Увы, в плотницких делах разбираюсь смутно.

Как и во многих других.

Бревна раскалывались вдоль при помощи деревянных клиньев, которые в них голыми руками забивал Камай. Таким способом он совмещал тренировку ладоней и полезное для хозяйства дело. Полученные половинки отесывались до гладкого состояния и хитроумно укладывались плоскими сторонами кверху.

Вот так и получился пол террасы. Все детали массивные, такие разгораются медленно, зато горят долго. Благодаря этому пламя от пылающего дома добралось до меня не так быстро.

Почему начался пожар, я не знал, но догадывался, что всему виной сила, освободившаяся из сосуда, над которым грубо поиздевался мой амулет. Складывалось впечатление, что я стал эпицентром нешуточного взрыва. Стулья и прочие предметы расшвыряло в разные стороны, сорвало ограждение террасы, вдавило внутрь стену и разметало крышу над головой. Пространство перед главной постройкой усадьбы было усеяно всем тем, что разлетелось от меня подальше.

Сам я пребывал в центре беспорядка и обязан был погибнуть, но этого не наблюдается. Да, чувствую себя, мягко говоря, не слишком прекрасно, но это вполне нормально.

Потому что хорошо я себя здесь никогда не чувствовал.

Черное воинство не стояло надо мной с занесенными мечами. Убийцы лежали там, где их настигла волна высвободившейся силы. Темные кочки так и располагались в два ряда за их жертвами в белых ночных одеяниях.

И трупы нашей прислуги стали другими. Кожа у них почернела, будто обуглилась. Но этого не может быть, потому что ткань в таком случае тоже должна потерять цвет, чего не наблюдалось ни на одном теле.

Впрочем, я не особо ломал голову над загадками происходящего. Даже то, что главный убийца исчез вместе с Камаем, меня не напрягало. Пусть хоть за спиной моей прячется, дабы в нужный момент перерезать горло.

Плевать. Главное – успеть кое-что сделать до этого самого момента.

То, что я сумел подняться, – чудо. А то, что после этого сделал шаг, – чудо великое.

Как и все последующие шаги.

У меня была цель, к которой я готов без рук и ног доползти. Но я не ползу, я иду. Иду в правильном направлении.

И это прекрасно.

Кожа на лице и руках матери не изменилась. В том смысле, что не почернела, как на всех прочих. Трейя не шевелилась, но меня не обманешь.

Она все еще жива. Удерживается в миллиметре от смерти, но продолжает дышать. Я чувствую это. Не знаю чем и как, но чувствую. Ведь меня к этой женщине привязывает не только ненависть. Слишком много общего скопилось у меня и у человека, который оборвал одну мою жизнь и самоотверженно защищал другую. Вот поэтому я уверен, что у меня есть немного времени, чтобы сказать ей последние слова.

Но даже сейчас мать себе не изменила. Она не позволила мне перехватить инициативу. Я даже не успел до конца присесть, делая это медленно и осторожно, всеми силами стараясь не завалиться, окончательно потеряв равновесие.

Трейя резко открыла глаза, шевельнула одной рукой, тут же ее приподняв. Но не чтобы помочь. Она ухватила за амулет, мелко при этом задрожав. Спустя пару секунд расслабилась и еле слышно прошептала:

– Гедар... шкатулка... Твоя сумка... Дай...

Зачем ей это понадобилось в такой момент, я понятия не имел. И вообще, мне нет дела до странных капризов умирающих. Я ведь не за этим к ней подошел. Но власть этой женщины надо мной столь велика, что у меня из головы вылетело, что я, собственно, здесь делаю.

Послушно достал шкатулку, протянул.

– Открой... Достань... – прошептала Трейя.

Подцепив нефритовую крышку, вытащил содержимое. Фигурный шелковый мешочек, в котором прощупывались знакомые предметы.

Сжав его, мать захрипела, после чего почти бессвязно произнесла:

– Высшие силы... последние слова... просьба умирающего... Это надо. Это очень надо моему мальчику. Дайте... дайте еще. – Вновь мелко задрожав, она тут же расслабилась и умиротворенно протянула: – На шею. Надень его на шею. Вместе с амулетом. Не снимай.

Выполняя указание Трейи, я внезапно осознал, что являюсь не кем иным, как распоследним болваном. Вместо того чтобы высказать ей все, что должен высказать, я веду себя как маменькин сынок.

А ведь эта гадина подышает. Я так и останусь ни с чем.

Потому поспешно произнес:

– Я не Гедар.

– Гедар... мальчик мой... – пролепетала женщина, обессиленно опуская веки.

– А ну стоять! Не вздумай подохнуть! Не вздумай! Я не Гедар! Ты слышишь меня?! Я не Гедар! Это не твой сын, это только оболочка от твоего выродка! И эта оболочка не пустая!

В ней кое-кто поселился! Ты помнишь меня?! Ты должна помнить! Это ведь ты вырвала мое сердце! Ты и Трако Дарс это сделали! Ты пом...

Осекшись от дичайшей судороги, набросившейся на каждую мою мышцу, я завалился на мать, выдавив из ее груди воздух. Услышав при этом ее последнее слово:

– Ге... Гедар...

А вот теперь точно все. Не поговорили. Умиравшая женщина даже не поняла, какую змею пригрела, до последнего сражаясь ради пустой оболочки, давно захваченной чужаком.

Черт! Я ведь обязан был объяснить ей, что она и правда произвела на свет выродка. В ее никчемном сыне разума и на каплю не наблюдалось. Он и правда пустота, он чистый лист, а я текст, который она в своей слепой материнской заботе записала туда, где должно было размещаться сознание настоящего Кроу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.